

зывает также на значение эстетических переживаний у ребенка. Мысль автора о томъ, что самой природой вложены ребенку средства для развитія и что задача педагога—итти рука объ руку съ природой, — правильна, если не доводитъ ее до крайности. Природа даетъ средства развитія, но не даетъ дѣли, которая можетъ быть указана ребенку лишь педагогомъ. *А. Маклецовъ* въ статьѣ «Къ вопросу о судьбахъ подрастающаго поколѣнія» привелъ рядъ фактовъ, указывающихъ на моральный упадокъ молодого поколѣнія какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи. Опасность разлагающаго вліянія комсомольскъ въ школѣ и комсомола дѣйствительно велика, хотя, по свидѣтельству многихъ прѣбывавшихъ изъ Россіи, большинство русскихъ дѣтей ускользаютъ отъ вліянія компарти. Статья *С. Орлова* «Изученіе родного края и зарубежная русская школа», статья проф. *А. С. Острогорскаго* «Задачи физическаго воспитанія», подчеркивающая значеніе физическаго воспитанія для развитія воли и характера, заканчиваютъ теоретическую часть журнала. Остальныя статьи посвящены описанію школьнаго дѣла среди русской эмиграціи. Кн. *Петръ Долгорукий* въ докладѣ «Русская бѣженская школа» далъ поучительное описаніе русской школы за границей, къ сожалѣнію ограниченное рамками лишь школьныхъ учреждений Союза Городовъ. Двѣ другія статьи даютъ описаніе школьной работы въ Юго-Славин, именно «о русскихъ школахъ въ Югославин» Андрея Павлова и «Русское школьное дѣло въ Королевствѣ С.Х.С.» С. Безобразова.

Информационная часть заканчивается статьёй Вл. Тукалевскаго о «Русскихъ школахъ въ Финляндіи». Въ журналѣ есть и библиографическій отдѣлъ, дающій обзоръ чешской педагогической литературы и русскихъ учебниковъ. Въ общемъ, несмотря на сравнительно небольшой объемъ (всего 116 стр.), журналъ содержитъ серьезный матеріалъ по многимъ вопросамъ педагогики и заполняетъ тотъ пробѣлъ, который остро чувствовался русскимъ зарубежнымъ учительствомъ. Пожеласмъ, чтобы слѣдующіе номера дали не только информацию о творческой дѣятельности русскихъ школъ за границей и, если возможно, въ Россіи, но также поставили бы вопросы организаціи и программъ будущей школы послѣбольшевистской Россіи.

Н. Голцъ.

Григорій Ландау. Сумерки Европы. Книгоиздательство «Слово». Берлинъ. 1923. Стр. 374.

Книга Ландау относится къ тѣмъ книгамъ, къ которымъ невозможно простое, однозначное отношеніе со стороны читателя. Согласно съ авторомъ читатель многое въ ней долженъ будетъ

простить ей автору. Несогласный многое будет вынужденъ въ ней признать. Она слишкомъ индивидуальна, чтобы ее можно было односторонне принять или столь же односторонне отвергнуть. Она слишкомъ значительна, чтобы, начавъ читать, ее можно было бросить, а прочтя — пройти мимо нея, не отвѣтивъ въ душѣ своей на ея обвинения и не возразивъ автору на его страстную защиту. Вся исполненная любви и ненависти, поклоненія и презрѣнія, она вызываетъ въ читателѣ непрерывное напряженіе тѣхъ же чувствъ. И сильная вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзкой четкостью пропитывающей-ее рефлексіи, она и отъ читателя требуетъ разсужденія, рациональнаго обоснованія своего согласія или несогласія съ авторомъ.

Скажемъ заранѣе: мы лично относимся къ той — несомнѣнно не малочисленной — группѣ читателей, у которой книга Ландау вызываетъ въ общемъ скорѣе чувство несогласія, часто даже протеста. Съ чѣмъ же вынуждаетъ она насъ согласиться? Что въ ней вѣраго, хотя и облеченнаго часто въ непріемлемую форму: связаннаго съ утвержденіями, вызывающими протестъ?

Основное, мы бы сказали элегическое настроеніе книги, давшее ей ея заглавіе, можетъ быть выражено въ слѣдующей формулѣ. Великая европейская война, будучи съ зиду внутренне-европейскимъ дѣломъ, борьбой за гегемонію въ Европѣ, есть въ дѣйствительности первое проявленіе уже ранѣе начавшагося процесса вытѣсненія европейской культуры нарождающейся культурой «міровой». Если до сихъ поръ ареной всемірной исторіи была Европа, то нынѣ центръ тяжести всемірной исторіи перемѣщается на внѣ-европейскія страны: Англія, Америка, Японія, Россія становятся основными силами исторіи. Ея географическимъ центромъ, «Средиземнымъ моремъ» новой «міровой» культуры становятся Тихій и Атлантическій океаны. Европа изъ средоточія культуры присуждена стать провинціей будущей міровой культуры, подобно тому, какъ въ древности Греція, бывшая одно время ареной исторіи, превратилась въ провинцію эллинско-римской культуры. Гегемонія Европы сломлена. «Европа станетъ провинціей новыхъ творческихъ центровъ; когда-нибудь выяснятся эти центры, но пока мы будемъ имѣть лишь провинціализмъ. Европа раздробляется; когда-нибудь ея части войдутъ въ составъ новаго синтеза, но пока мы будемъ жить среди осколковъ». Мы прожили «Перикловъ вѣкъ» европейской культуры. Настали ея «пелопоннесскія войны». «И да будетъ позволено тѣмъ изъ насъ, кто чувствовалъ себя европейцами и въ Европѣ осязалъ свою духовную родину, близкое и родное себѣ, — скорбью встрѣтить ея роковыя сумерки». Введеніе, въ которомъ высказаны эти мысли, было написано и опубли-

ковано авторомъ еще въ самомъ началѣ войны. Итоги войны только укрѣпили автора въ его пророчествахъ. Побѣдила въ войнѣ не Франція и не Англія. Побѣдила мировая коалиція. И побѣжденной оказалась не Германія и не Австро-Венгрія, а Европа, въ томъ числѣ и Франція, этотъ «побѣжденный побѣдитель», какъ ее называетъ Ландау, тонкимъ анализомъ освѣщающей безвыходную трагичность созданнаго для ней войной положенія. Раздробленіе Европы въ результатѣ Версальскаго мира есть для Ландау начало того процесса распада Европы на осколки, который онъ предсказывалъ еще въ 1914 году.

Этой европейской культурѣ, которая, погибая, все же «стала опорой и неотъемлемой базой для всякой будущей культуры», принадлежитъ любовь автора. Авторъ прежде всего чувствуетъ себя европейцемъ. Апологіи «европеизма» и посвящены главные и лучшія страницы его книги. Теперь, когда вошло въ моду вѣчески отрицать новоевропейскую культуру за ея атомистическій индивидуализмъ, иррелигиозность, эпигонство, милитаризмъ, технизмъ, за ея матеріализмъ и всевозможные иные грѣхи, эта защита европеизма производитъ сильное впечатлѣніе: въ ней чувствуется благодарность сына векормившей его матери, подлинный культъ предковъ, такъ выгодно отличающій автора отъ тѣхъ критиковъ ново-европейской культуры, которые, исповѣдуя устами вѣрность отцамъ, не устаютъ на дѣлѣ отрицать свое сыновство. Эту культуру, «всю основанную на динамикѣ, на партикуляризмѣ, на идеѣ и фактѣ свободы, на личности, ея инициативѣ и самостоятельности, на неоглядномъ бѣгѣ и напряженномъ развертываніи каждой функціи безъ соотношенія съ другими, безъ соотношенія съ цѣлымъ», Ландау называетъ «культурой комплекснаго мотива». Въ характеристикѣ ея, какъ уже видно изъ приведенной цитаты, Ландау во многомъ сходится съ обычнымъ на нее воззрѣніемъ, раздѣляемымъ и ея критиками. Оригинальность его заключается, однако, въ томъ, что, позади обычно приписываемаго новоевропейской культурѣ матеріализма и технизма, онъ вскрываетъ «жизнь вѣчно бодрствующаго за техникой духа, непрерывно слѣдящаго, осуществляющаго, провѣряющаго, возетанавливающаго», нравственный героизмъ, «уровень моральнаго напряженія, который далеко возвышается надъ другими эпохами». Относящіяся сюда немногочисленныя страницы книги Ландау принадлежать къ философски наиболѣе глубокомысленнымъ. Въ нихъ чувствуется въ зародышѣ цѣлая интересная по замыслу система нравственной философіи.

Однако, основной философскій мотивъ автора связанъ не съ этой послѣдней частью книги, посвященной ново-европейской куль-

турѣ, и не со второй частью, предметомъ которой служить «искаженное строеніе» Европы въ результатѣ войны, а съ первой, которую авторъ называетъ «разрушительной идейностью». Разрушительная идейность — это утопическій максимализмъ дѣлей, противъ котораго направлено все остріе философской критики автора и который онъ ненавидитъ ненавистью, смѣшанной съ презрѣніемъ. Въ другой своей статьѣ, специально посвященной философскому анализу проблемы зла («О преодоленіи зла», Труды русскихъ ученыхъ за границей, кн. II), Ландау обосновываетъ свое отрицаніе максимализма. Идеаль есть только отрицаніе отрицательнаго, отрицаніе главнаго зла эпохи, даже тогда, когда онъ выраженъ положительно. Максимализмъ, мнящій уничтожить все зло вообще (тогда какъ на дѣлѣ онъ долженъ былъ бы ограничиваться отрицаніемъ даннаго конкретнаго зла), развиваетъ только чисто разрушительную идейность. Онъ разрушаетъ больше, чѣмъ требуется породившимъ идеаль зломъ, и потому, вмѣсто уничтоженія даннаго конкретнаго зла, онъ порождаетъ новое зло, горшее того, которое онъ пытается отрицать. Эта внутренняя диалектика максимализма прослѣживается Ландау подробно на антагонистической идеологіи войны: идеаль вѣчнаго мира и Лиги Націй, самоопредѣленіе національностей, возстановленіе разрушеній — всѣ эти идеи, опредѣлившія собою Версальскій миръ, не создали ничего положительнаго. Онѣ развили только ту разрушительную идейность, которая, сокрушивъ Европу, (а не одну только Германію), привела, въ концѣ концовъ, и къ собственному саморазрушенію. Ибо побѣда союзниковъ не только не привела къ уничтоженію войны, но означаетъ постоянную угрозу новыхъ войнъ, Лига Націй есть только «ширма для господства и угнетенія сильнѣйшимъ», никогда національности не были такъ поработаны какъ теперь, и, наконецъ, «возстановленіе разрушеній» привело на дѣлѣ къ еще большему и непрерывно продолжающемуся разрушенію.

Таковы въ основномъ тѣ мысли Ландау, съ которыми трудно нынѣ не согласиться. Онѣ производятъ тѣмъ большее впечатлѣніе, что многія изъ нихъ были высказаны еще въ самомъ началѣ войны и потому могутъ притизать на характеръ пророчества, подтверждающагося дѣйствительностью. И все же книга Ландау, повторяемъ, не можетъ не вызывать протеста со стороны безпристрастнаго читателя. Даже то, въ чемъ авторъ несомнѣнно правъ, онъ высказываетъ въ такой формѣ, которая ослабляетъ силу его утвержденій. Иногда кажется, что этотъ, претендующій быть безпристрастнымъ, столь охотно обвиняющій другихъ въ «наивности», «примитивизмѣ», «легкомыслии и лицемѣріи» авторъ относится къ категоріи тѣхъ злосчастныхъ людей, которые не умѣютъ быть пра-

выми. Уже та форма, въ которую Ландау облекаетъ свою критику военнаго максимализма, вызываетъ серьезныя возраженія. Разрушеніе Европы въ результатѣ войны есть для него дѣло военнаго максимализма, который, вмѣсто того, чтобы бороться съ предлагающимъ конкретнымъ зломъ, поставилъ себя дѣлью сразу достичь чего-то «окончательнаго, предѣльнаго, максимальнаго». Эта диалектика «безподобной разрушительности военнаго максимализма» продолжается и нынѣ «въ социальномъ максимализмѣ русскаго саморазгрома». «Пацифизмъ выростилъ большевизмъ». Постольку и Вильсонъ, который для Ландау есть главный носитель идей военнаго максимализма, «былъ предтечей Ленина». Провинциальная наивность этого случайно вознесеннаго на президентскій постъ профессора послужила лицемѣрной ширмой, которой болѣе или менѣе ловкіе дѣльцы - руководители другихъ странъ Антанты воспользовались для того, чтобы добиться побѣды узко - матеріальныхъ интересовъ своихъ странъ. Съ другой стороны, Германія во всемъ была права. Она вправѣ была начать войну, она вправѣ была нарушить нейтралитетъ Бельгій, она вправѣ была признать всѣ средства дозволенными для достиженія побѣды (Ландау не касается, къ сожалѣнію, поддержки ею большевиковъ и Брестъ - Литовскаго мира). Все это она вправѣ была сдѣлать потому, что «предвоенный всесторонній творческій процессъ въ германскомъ народѣ и государствѣ былъ настолько могучъ, что обосновывалъ законность во имя его, во имя произведенныхъ имъ измѣненій и въ соответствии съ представшими возможностями — измѣнить міровое распредѣленіе; а при необходимости — хотя бы и путемъ правовыхъ нарушеній». Германія была единственнымъ носителемъ творческаго начала въ Европѣ. Она развивалась, расширялась, творила на всѣхъ поприщахъ культуры, и война была необходимымъ слѣдствіемъ ея бышаго черезъ край творческаго процесса. «Болѣе, чѣмъ сомнительно, чтобы безъ войны могъ обойтись ростъ германской культуры и государственности». Въ противоположность этому позиція Антанты была позиція охранительно-регрессивная. Когда-то бывшая средоточіемъ европейской культуры, Франція давно уже превратилась въ страну репубертства, а Англія — въ страну торговцевъ. Охрана добытыхъ привилегій, приобрѣтенныхъ правъ, охранительство противъ творчества, — таково отношеніе Антанты къ Германіи. «Империализмъ въ Европѣ могла создавать и Франція, империализмъ Европы можетъ создавать одна только Германія». Патриотъ Европы необходимо поэтому долженъ быть патриотомъ Германіи. Ибо «исторически, объективно» Германія «носила въ себѣ движеніе Европы». Въ результатѣ войны «европейское будущее побѣждено европейскимъ прошлымъ — при содѣйствіи міроваго настоящаго».

Какъ доказываетъ всё эти утверждения Ландау? Въ сущности никакъ не доказываетъ. Онъ самъ признаетъ, что основное положеніе, лежащее въ основѣ всёхъ его разсужденій, утвержденіе исключительной творческой позиціи Германіи въ современной европейской культурѣ, недоказуемо. Ссылка на интуицію замѣняетъ здѣсь доказательство. Не этимъ ли безсиліемъ обоснованія объясняется тотъ высокомерный тонъ по отношенію ко всёмъ инакомыслящимъ, который отличаетъ книгу Ландау и который столь характеренъ для всякаго агрессивнаго интуитивизма вообще? Два пункта Ландау пытается, однако, не только провозгласить, но и доказывать. Это, во-первыхъ, право Германіи пренебречь юридической формой (въ частности международными договорами) — при предположеніи, что она дѣйствительно была средоточіемъ европейскаго культурнаго движенія. Дѣло въ томъ, что международно-правовыя нормы существенно отличны, по мнѣнію Ландау, отъ нормъ внутри-государственнаго права. Въ отличіе отъ послѣднихъ онѣ являются только «облекаемыми правомъ фактическими отношеніями силы». «Ибо во внутри-государственныхъ отношеніяхъ государство охраняетъ всѣ правѣ выраженные отношенія, имѣя же на основаніи права и установленныя, здѣсь же подлежатъ охрѣпѣ облеченныя въ форму права отношенія насилія». Поэтому при измѣненіи социальнаго содержанія носитель этого новаго содержанія вправѣ пренебречь нормами позитивнаго права, т. е. совершить международно-правовую революцію. Мы не будемъ возражать здѣсь противъ этой аргументаціи. Слишкомъ явна зависимость ея отъ государственной теоріи права, и слишкомъ дискредитирована эта послѣдняя современной философійю права, чтобы нужно было здѣсь еще разъ подвергать ее критикѣ, тѣмъ болѣе, что самъ Ландау не привелъ въ ея защиту никакихъ новыхъ доводовъ. Въмѣсто обоснованія ея Ландау, въ сущности, воспроизводитъ въ отношеніи международнаго права ту «предѣльную», «максимальную» критику всякаго права вообще, какъ принципа исключительно «консервативнаго, охранительнаго, выгоднаго для привилегированныхъ и сильныхъ, для уже приобрѣвшихъ мощь, — для тѣхъ, чьи достижения лежатъ уже въ прошломъ», которая намъ такъ хорошо знакома по «философіи права» марксизма. Онъ самъ сознаетъ это свое родство съ марксистскою теоріей права и, несмотря на всю свою нелюбовь къ революціи внутри государства, готовъ на время признать и правоту Лассалля (почему уже не самого Маркса?) и правоту революціи, — оправданной тогда, когда она «не сводится къ перераспределенію благъ и власти, а представляетъ собою «санкціонированіе уже происшедшаго перераспределенія». Этотъ максимализмъ критики особенно проявляется также въ главѣ о

возстановленіи, гдѣ, доказывая непримѣнимость частно-правового принципа вознагражденія за вредъ къ международно-правовымъ отношеніямъ, Ландау пользуется аргументами, бьющими далеко за предѣлы пужной цѣли и уязвляющими всякое право вообще.

Мы менѣе всего склонны провозглашать безусловное верховенство позитивнаго права и отрицать при всѣхъ условіяхъ «право возстанія». Но мы думаемъ, что революція (въ томъ числѣ и междуна-родно-правовая) можетъ быть оправдана въ своемъ правѣ не только тѣмъ, что она «санкционируетъ уже совершившееся перераспре-дѣленіе» и что «носителемъ ея является творческій и прогрессив-ный народъ или классъ», а лишь тогда, когда кромѣ того доказано, что въ данномъ случаѣ оказались безусловно исключенными всѣ правныя способы преобразования, и когда, однажды совершившаяся, она въ состояніи удержатъ свои завоеванія правовыми спосо-бами. Между тѣмъ первое вызываетъ въ примѣненіи къ Германіи у самого Ландау сомнѣнія: «выполнѣ допустимо,—говоритъ онъ,—что ростъ германской культуры могъ бы обойтись безъ этой войны». Второе не есть вопросъ для Ландау, ибо Германія не побѣдила, да къ тому же международно-правовыя отношенія — суть только «формы насилія».

Между тѣмъ здѣсь именно коренится центръ вопроса. Утопиче-скій максимализмъ коммунизма развиваетъ внутреннюю диалектику саморазрушенія и «отбрасываетъ дѣйствительность на болѣе низкую ступень» не потому только, что требованія не соответвуютъ въ немъ дѣйствительности, а потому, что идолопоклонство цѣли, догма-тическая увѣренность въ абсолютной истинности представляемаго имъ интереса уполномочиваетъ его игнорировать всѣ другія воз-можныя цѣли, совершенно выключая нравственный вопросъ о выбо-рѣ должныхъ, дозволенныхъ средствъ. Всѣ средства хороши для того, кто *знаетъ* абсолютное благо: нравственный вопросъ о долж-номъ соответствіи средствъ цѣли вырождается здѣсь въ чисто тех-нической вопросъ объ удобствѣ и выгодѣ средствъ. Въмѣсто стрем-ленія преобразовать дѣйствительность такъ, чтобы она сама изъ себя, органически развила въ направленіи желанной цѣли, въ утопическомъ максимализмѣ имѣется пожеланіе передѣлать дѣйствительность чисто механически, путемъ насильственнаго на-вязыванія средствъ, односторонне определяемыхъ исключительно конечной цѣлью. Въ результатѣ получается прикованность власте-лина къ своему рабу, къ поработанной дѣйствительности, которая и засасываетъ постепенно утописта, безусловная принципиальность котораго очень быстро вырождается въ оппортунистическую без-принципность. Это идолопоклонство цѣли однако воплотѣ раздѣ-ляется именно Ландау. Онъ *знаетъ*, что *только* Германія была носи-

телемъ новоевропейской культуры, и что только ся милитаризмъ былъ милитаризмомъ европейскимъ. Въ этомъ онъ совершенно сходится со всѣми теоретиками германскаго милитаризма, съ которыми обличаетъ его не только общая ненависть къ пацифизму, но и частое оперированіе понятіями творчества и организма, врядъ ли достаточно отмежевываемое отъ обычно консервативной биологической теоріи общества тѣмъ, что въ одномъ только мѣстѣ авторомъ просто утверждается — безъ всякой попытки обоснованія — отличие собственнаго взгляда отъ этой теоріи.

Примемъ въ серьезъ слова автора, что утвержденія, подобныя вышеприведенному, недоказуемы, и не будемъ оспаривать творческой энергіи, мощи и прогрессивности Германіи. Но такъ какъ у насъ нѣтъ въсовъ измѣрять абсолютную цѣнность народовъ, то будемъ скромнѣе и, не полагаясь на интуицію, признаемъ за каждымъ народомъ право преслѣдовать свои жизненные интересы, но не всѣми средствами, не игнорируя «приобрѣтенныхъ правъ» другихъ, но признавая возможность собственной неправды и потому признавая абсолютную личность другихъ народовъ, ограничивающую выборъ средствъ въ борьбѣ. Совершенно правильно въ этомъ «политическомъ релятивизмѣ», отвергающемъ за кѣмъ бы то ни было право дѣйствовать такъ, какъ будто бы онъ есть единственный хранитель абсолютной истины, недавно было усмотрѣно существо демократіи. И можно было бы показать, что именно такъ понятая демократія есть плоть отъ плоти ново-европейской культуры, выраженіе въ политикѣ того, что Ландау называетъ замысловатымъ терминомъ «комплекснаго мотива» и чему принадлежитъ повидимому его любовь. Этотъ «политическій релятивизмъ» равно отрицаютъ и теоретики нѣмецкаго милитаризма и коммунисты: одни въ международномъ правѣ потому, что они *знаютъ*, что абсолютный духъ воплотился въ Германіи, другіе во внутри-государственномъ правѣ потому, что она *знаютъ*, что носителемъ абсолютнаго духа нынѣ является пролетаріатъ. И потому не Вильсонъ, военный максимализмъ котораго былъ все же всегда ограниченъ его «политическимъ релятивизмомъ», благочестивой вѣрой въ то, что только Богъ одинъ знаетъ абсолютную истину, былъ предтечей Ленина. Предтечей Ленина во многомъ былъ германскій милитаризмъ, который въ полномъ согласіи съ марксизмомъ давно уже преодолѣлъ наивный идеализмъ тѣхъ, кто смѣетъ еще считать, что право есть право, а не сила, и который первый, такъ несчастливо для себя, призналъ советскую власть. «Разрушительная идейность» въ полной мѣрѣ получается тогда, когда утопізмъ сочетается съ идолопоклонническимъ догматизмомъ, когда мы присваиваемъ собѣ право расцѣпывать по ихъ абсолютной цѣнности народы, классы и личности,

когда мы слѣдуемъ соблазну говорить не отъ своего имени, а отъ имени самой исторіи, самого Провидѣнія, не допуская возможности собственной неправды. Интуиція хороша, когда она есть любовь (Платонъ), симпатія (Бергсонъ). Но слишкомъ еще много ненависти въ интуиціи Ландау. Психологія его слишкомъ много таитъ въ себѣ еще отъ психологіи войны (что опять такъ роднитъ его съ большевизмомъ), въ ней слишкомъ много еще неизжитаго ожесточенія, двойственности расцѣнокъ. И потому напрасно Ландау ссылается какъ на своего союзника на Кейнса, значеніе книги котораго заключается не въ томъ, что онъ критикуетъ Вильсона и отвергаетъ Версальскій договоръ, а въ томъ, что онъ дѣлаетъ все это, признавая право въ международныхъ отношеніяхъ, признавая обязанности Германіи, возникшія изъ факта войны, и тѣмъ самымъ въ подлинномъ смыслѣ становясь на точку зрѣнія мира и справедливости, которая — да проститъ намъ авторъ эту наивно-примитивную нашу вѣру — все же, пусть только въ идеѣ, существуетъ и въ международныхъ отношеніяхъ.

Sergius.

Проф. Ф. В. Тарановскій. Энциклопедія права, изд. 2-е, исправленное и дополненное, 1923 (Труды русскихъ ученыхъ за границей, т. IV, изд. «Слово»), стр. 425.

Первое изданіе прокрасной книги проф. Ф. В. Тарановскаго вышло въ свѣтъ въ самый канунъ революціи, въ февралѣ 1917 года; оно не могло, поэтому, при послѣдовавшей скорѣй разрукѣ печатнаго дѣла быть въ достаточной мѣрѣ отмѣчено. Между тѣмъ, появленіе этой книги было большимъ событіемъ въ русской учебной литературѣ по теоріи права, и нельзя не порадоваться, что второе ея изданіе, пересмотрѣнное и дополненное, даетъ основаніе вернуться къ ея разбору.

Учебникъ проф. Тарановскаго заполняетъ давно ощущавшіяся пробѣлы въ учебномъ пособіи на русскомъ языкѣ, подводившемъ съ возможной полнотой итогъ научному развитію теоретической юриспруденціи послѣднихъ десятилѣтій. Эта задача не выполнялась не только «Лекціями по общей теоріи права» Каргунова, трудомъ въ свое время классическимъ, но съ 90-хъ годовъ не перерабатывавшимся, а потому устарѣвшимъ за четверть вѣка до послѣдней степени, но и ни однимъ изъ болѣе новыхъ руководствъ: монументальный и во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный двухтомный трудъ проф. Л. И. Петражицкаго даетъ замкнутое въ себѣ изложеніе теоріи автора и совершенно недоступенъ для студентовъ; «Лекціи» кн. Е. Н. Трубецкаго настолько элементарны, что отра-